

Протягом навчального року змінюються зміст і характер навчання, з кожним роком підвищуються вимоги, усе більшу роль відіграє самостійна, творча сторона навчальної діяльності. Отже, значення набуває необхідність у формуванні стабільної навички вміння самостійно працювати. В цьому викладачеві теж допомагають психологічні характеристики ввірених йому студентів.

ЛІТЕРАТУРА

1. Ананьев Б.Г. К психофизиологии студенческого возраста // Современные психолого-педагогические проблемы высшей школы. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. – С.5-8
2. Богорев В.В. Психолого-педагогические основы системы адаптивного обучения // Наука и школа, 2001. № 2. С. 12-15.
3. Выготский Л.С. Психология: М.: ЕКСМО-Пресс, 2000 – 1008 с. (Серия «Мир психологии»).
4. Подоляк Л.Г., Юрченко В.І. Психологія вищої школи: Навчальний посібник для магістрів і аспірантів. – К.: ТОВ «Філ-студія», 2006. – 320 с.
5. Энциклопедия профессионального образования: В 3-х т. Т.1 / Под. ред. С.Я. Батышева. М., АПО, 1998. 568 с.

УДК 82.09:821.161.1

Кошин Е.Б.
(Донецк, Украина)

«ДЛЯ СРЕДНЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА»: К ВОПРОСУ ОБ ИМПЛИЦИТНОМ ЧИТАТЕЛЕ В РОМАНЕ В. А. КАВЕРИНА «ДВА КАПИТАНА»

Статья рассматривает проблему имплицитного читателя у литературному творчі в перспективі рецептивної естетики та теорії можливих світів. В статті аналізуються рецептивні стратегії в романі В. Каверіна «Два капітани».

Ключові слова: *имплицитний читач, емпіричний читач, компетенція, можливий світ, В. Каверін.*

Статья рассматривает проблему имплицитного читателя в произведении литературы в перспективе рецептивной эстетики и теории возможных миров. В статье анализируются рецептивные стратегии в романе В. Каверина «Два капитана».

Ключевые слова: *имплицитный читатель, эмпирический читатель, компетенция, возможный мир, В. Каверин.*

The article deals with the concept of implied reader in the work of literature. The receptive strategies in novel “Two Captains” by V. Kaverin are analyzed.

Key words: *implied reader, empiric reader, competence, possible world, V. Kaverin.*

© Кошин Е.Б., 2013

По словам М. Гиршмана, «в процессе восприятия пересекаются два встречных движения: одно – внутреннее, воплощенное в художественном целом, а другое – внешнее, связанное с определенной исторически конкретной реализацией художественного произведения в акте реального восприятия» [3: 99]. В теоретической дискуссии, развернувшейся с середины XX века вокруг процесса чтения, такое «внутреннее движение» концептуализируется в понятии имплицитного читателя (В. Изер) [18: 27-38], также называемого часто «абстрактным» (В. Шмид) [13: 57-63], «концепированным» (Б. Корман) [9; 11: 119-121], «модельным» или «образцовым» (У. Эко) [15; 16]. Объем этих терминов не совпадает и варьируется в зависимости от конкретных исследователей, научных направлений и даже национальных языков. Общим местом, однако, является: 1) декларация наличия в произведении литературы имманентно присущих его внутренней структуре предопределенных моментов, регулирующих процесс восприятия произведения эмпирическим читателем; 2) совокупность этих моментов и есть «имплицитный читатель», который, будучи сущностью умозрительной, «ни в коем случае не может быть отождествлен с любым реальным читателем» [18: 34].

В некоторых работах, посвященных имплицитному читателю, в заблуждение вводит постулируемая субъектность этого понятия. Так, для Б. Кормана «процесс восприятия есть процесс превращения реального читателя в читателя концепированного» [9: 513], который, по мысли Н. Рымаря и В. Скобелева, «создан формой целостности, в его сознании, в его духовной активности произведение “собирается” в качестве системы особого типа – целостности» [11: 119]. Имплицитный читатель, не являясь ни (вымышленной) личностью, ни персонажем не может обладать сознанием или духовной активностью: произведение «завершается» только конкретно-историческим эмпирическим читателем из плоти и крови, идентифицирующимся с субъектом-героем в процессе чтения. Сходная с кормановской максима У. Эко точнее: «эмпирический читатель – просто актер, пытающийся войти в постулируемую текстом роль читателя образцового» [15: 66]. Такого образцового – идеального – читателя можно рассматривать и как читателя, способного прийти к единственному – истинному – прочтению, абсолютно соответствующему интенциям автора-творца, и как «идеального читателя, страдающего идеальной бессонницей» (Д. Джойс), способного осуществить все возможные прочтения (релевантные произведению) во всех временах и пространствах, то есть как Абсолют, чья читательская «энциклопедия» (У. Эко) вмещает весь бесконечный универсум. Подобная идеализация (как и субъектность) не соответствует представленной далее модели восприятия, опирающейся, главным образом, на идеи Р. Ингардена, развитие Константской Школой Рецептивной Эстетики и качественно переосмысленные постструктуралистской теорией возможных миров.

Мир произведения, как и любой мир (в том числе и актуальный) заполнен дискретными объектами, представленными в тексте с большей или меньшей степенью определенности. Ни один объект в любом из миров невозможно познать полностью и до конца, потому как невозможно хотя бы проиндексировать все атрибуты и предикаты объекта во всех возможных мирах. Объект онтологически не завершен, он всегда предстает наблюдателю только некоторыми своими сторонами, следовательно, неполная определенность – качественное свойство любого объекта. Читатель, конструируя фикциональный

мир как возможный, «создает» с помощью воображения вымышленные объекты, заполняя их «неопределенность» информацией, присутствующей в «энциклопедии» читателя или «читательского сообщества» в соответствии с «принципом минимального отклонения» (М.-Л. Райан) [19: 48-60]: любые указанные и поименованные объекты в тексте, независимо от того, имеют ли они реальное, вымышленное или трансфикциональное происхождение, дополняются атрибутами, имеющими место быть в экспериментальной реальности читателя. Впоследствии исключить подобные приобретенные атрибуты может только сам текст. Читатель в результате описанного действия формирует то, что Р. Ингарден называет конкретизацией: «это то целое, в котором произведение выступает как уже дополненное и измененное читателем в процессе чтения» [5 :73], то есть, по большому счету, каждая конкретизация – это и есть произведение в пост-бахтинском смысле со-бытийности: «каждый раз снова и снова осуществляемое событие создания – созерцания – понимания художественной целостности: “образа мира, в слове явленного” (Б. Пастернак)» [3: 55]. Количество возможных конкретизаций совпадает с количеством возможных читателей, потому как «каждый читатель заполняет пробелы по-своему, исключая тем самым другие способы; в процессе чтения он в одиночку принимает решения о том, как должен быть заполнен тот или иной пробел» [4: 209]. При этом, разумеется, возможны конкретизации, «разрушающие» произведение – пробелы оказываются заполненными или незаполненными таким образом, что оно не в состоянии осуществиться как эстетическое событие.

В представленной перспективе инстанцию «имплицитного читателя» можно определить как «правила заполнения пробелов», то есть как некие сигналы, имплицитно присутствующие в произведении, указывающие эмпирическому читателю дорогу к минимальной конкретизации, при которой произведение осуществляется как эстетическое событие. Иначе говоря, энциклопедия эмпирического читателя должна вмещать такое количество информации, при котором возможна «экономная», то есть адекватная произведению конкретизация. Речь не идет об «истинном», единственно возможном прочтении и раз и навсегда заданном смысле, но лишь о подвижных (в том числе, исторически) условных границах, в рамках которых чтение будет «успешным». Нижняя граница определяет минимальное количество информации, необходимое для создания вымышленных объектов, верхняя же «ограничивает» работу воображения и «приостанавливает» поиск атрибутов, необходимых для представления об объекте. Границы эти интуитивно ощущаются эмпирическим читателем в тот или иной момент «эстетически успешного» чтения, однако недоступны для исследователя, хотя бы потому, что в настоящее время актуальный ментальный процесс эмпирического читателя в ходе рецепции не может быть подвергнут непосредственному наблюдению и фиксации. Тем не менее, некоторые интуиции относительно «границ» имплицитного читателя могут быть обретены при рассмотрении явных логических и семантических пустот, и попытки определения минимальной читательской компетенции.

Следующий за заголовком «Два капитана» паратекстуальный признак «роман» сообщает некоему читателю, что перед ним вымысел, требующий принятия (как минимум) конвенции «мгновенного и добровольного отказа от недоверия» (С. Кольридж). В самом начале повествования читатель узнает, что герой – Саня Григорьев – пытается

поймать голубого рака, который идет только на гнилое мясо, в отличие от обычных, идущих на лягушек или на костер. В процессе конструирования вымышленного объекта читатель подключает к восприятию всю имеющегося у него информацию о раках: это такие членистоногие с хитиновым панцирем, читатель когда-то ловил раков с отцом на рыбалке, он изучал раков в школе, он их ел и т.д. Так как объект всегда онтологически не завершен, на каком-то этапе процесс актуализации читательского опыта прекращается, к образу рака вообще добавляется предикат «голубой». В результате идентификации с героем реципиент верит, что голубые раки существуют в данной вымышленной реальности – в отличие от актуального мира, в котором нет таких раков, о чем он на время забывает. Однако если читатель живет на Кубе, где такие раки водятся, то он может окказионально добавить в произведение информацию о *procambarus cubensis*, осуществляя чуждую тексту избыточную интерпретацию – действие происходит в России. После информации о том, что «среди раков, которых я натаскал уже немало, не было ни одного голубого. Обыкновенные черные раки» [7: 10] впервые появляется сомнение о релевантности голубых раков реальности «Двух капитанов». Сомнение усиливается, когда в главе 8 Саня: «...просто жил день за днем... и ловил раков, желтых, зеленых, серых, – голубой так и не попался ни разу» [7: 32]. Уже взрослый Саня, отдыхая с женой перед началом войны на берегу озера, читает незадачливому рыбаку-мальчишке «небольшую лекцию о ловле раков, в частности голубых, которые идут исключительно на гнилое мясо» [7: 497] (часть 8, глава 1). К этому моменту даже самый наивный читатель знает, что в мире романа голубые раки – не более чем детская легенда (однако в рамках возможного мира легенды, конструируемого рассказчиком, голубые раки реальны). Интересно, что история с мальчишкой повествуется дважды с точки зрения разных нарраторов, Сани и Кати: в версии Кати (часть 7, глава 2) именно голубые раки не упоминаются (компетентный читатель при ретроспекции добавляет предикат «голубой»). В самом конце романа Саня показывает Кате то самое место в Энске, «...подле которого худенький черный мальчик в широких штанах когда-то ловил голубых раков на мясо. Как будто время остановилось и терпеливо ждало меня на этом берегу... – и вот я вернулся, и мы смотрим друг другу в лицо» [7: 634]. Здесь читатель понимает, что голубой рак – не только сюжетный мотив, но художественный образ, объект символической реальности, которая нуждается в эстетической интерпретации. Он может интерпретировать объект «голубой рак» как субститут невозможного объекта поиска: Саня в итоге находит своего «голубого рака» – а именно, следы экспедиции капитана Татаринова.

Приведенная реконструкция, при всем ее несовершенстве, в общем и целом подходит для анализа более или менее определенных объектов, формируемых понятиями, присутствующими в энциклопедиях большинства потенциальных читателей: «рак», «мясо», «река» (объекты), «голубой», «гнилой» (предикаты), «ловля» (процесс). Анализ, в основном, остается в рамках автономного мира произведения. В случае, когда для создания вымышленного объекта требуется особая «реальная» и (или) интертекстуальная компетенция, необходимо определить, что именно из внеположных производству миров необходимо, достаточно или избыточно. Подобную компетенцию позволяет определить «реконструкция горизонтов ожиданий, на основе которых создавалось и воспринималось то или иное литературное произведение...», которая «...помогает нам добраться

до вопросов, на которые текст первоначально отвечал, и, таким образом понять, как читатель прошлого расценивал произведение, как он понимал его» [17: 200]. Сравнение компетенции читателя «вневременного» (вернее, со-временного) с гипотетической компетенцией читателя «конкретно-исторического» позволяет в рассматриваемых ниже случаях высказывать интенции о границах имплицитного читателя. Имплицитный читатель, конечно, не совпадает ни с читателем «задуманным», то есть с психическим представлением биографического автора о своих потенциальных читателях, реконструируемым, например, из внехудожественных высказываний писателя (выступающего здесь тоже как своего рода эмпирический реципиент в ряду других читателей); ни с эксплицитным читателем (он же читатель «фиктивный», иногда – нарратор) – вымышленной инстанции, к которой адресно обращается рассказчик в тексте произведения.

Непосредственное обращение нарратора к эксплицитному читателю в «Двух капитанах» встречается дважды: 1) «Без сомнения, мои читатели не помнят этих батальонов [корниловских батальонов смерти, в один из которых вступает Гаер Кулий, отчим главного героя]» [7: 44] (часть 1, глава 12); 2) «Мои читатели не учились до революции в средней школе и, без сомнения, не помнят, с каким презрением относились друг к другу гимназисты и реалисты» [7: 69] (часть 2, глава 2). Предполагаемая аудитория младше сорокалетнего рассказчика (Саня пишет свою «повесть», по-видимому, после окончания фабульных событий), родилась после революции и совпадает с читательским адресом «для среднего и старшего возраста», указанным на концевой странице полной «детиздатовской» публикации первой книги «Двух капитанов» в 1940 г. (до этого роман выходил с 1938 г. частями в журнале «Костер»). Согласно отраслевым стандартам 1930-х, это – дети и подростки от 11 до 16 лет. На воображаемом портрете «исторического» читателя изображен двенадцатилетний русскоязычный советский школьник 1926 года рождения. Именно к нему обращен текст на фронтисписе упомянутого издания: «Ребята! Понравилась ли вам эта книга? Напишите нам, какие вы видите в ней недостатки, все ли понятно вам и каковы ваши пожелания». То, что понятно «историческому» читателю «среднего школьного возраста», неочевидно для современного школьника, родившегося в 2001 году.

Детство «исторического» читателя пришлось на тридцатые годы. В это время, как пишет Каверин в книге мемуаров «Эпилот», «жизнь состояла не только из... унизительного страха, но и из шума, которым были полны газеты и журналы. Шум был связан с освоением Севера — исторической задачей, ...не нуждавшейся в шуме. Был ли он устроен, чтобы заглушить стоны...?» [8: 240]. Можно предположить, что читатель, культурный код которого включает папанинцев и челюскинцев, обладает достаточной компетенцией для идентификации пласта романа, связанного с Арктикой, «страной чудес и сказочных превращений» [7: 419]. Даже сегодняшний просвещенный читатель гипотетически может восстановить аббревиатуры «Ч.» и «Ш.» – летчика В. Чкалова и полярника О. Шмидта. Сложнее узнать летчиков «А.» – Алексеева, «Л.» – Леваневского, «С.» – Слепнева, подводника «Ф.» – Фисановича, адмирала Головка, участников экспедиции Седова и помощников автора в работе над романом художника «П.» – Пинегина и ученого «В.» – Визе. Аббревиация имен реальных персонажей подчиняется простой логике: если они принимают участие в событиях романа, их имя шифруется, но может быть восстанов-

лено из контекста. Если же реальные личности просто упоминаются, даже в качестве «хороших знакомых» рассказчика – их называют полностью. Так, Саня на берегу Камы вспоминает тех, в чью честь названы пароходы «Ляпидевский», «Жаманин», «Мазурук» (часть 8, глава 13). Аббревиация локаций единой логики не имеет. Москва, Ленинград, Полярный, Севастополь, Гвадалахара не шифруются никак. Энсск, в котором легко узнается родной для Каверина Псков, назван так для того, чтобы придать городу Сани и капитана Татарина размытые «литературные» черты некоей абстрактной провинции (Ср.: губернский город NN в «Мертвых душах»). Сокрытие под «Н.» аэродрома Ваенга (ныне Североморск), места дислокации Сани на Северном Флоте, можно объяснить соображениями военного времени, когда писалась вторая книга романа (до сих пор Североморск – «закрытый город»). Шифровку города «М-ова» – Молотова (название Перми в 1940-1957 гг.), который идентифицируется по реке Каме и по факту эвакуации туда трупы Ленинградской Маринки, упомянутых в романе, рационально объяснить не получается.

Некоторые фабульные логико-семантические лакуны можно интерпретировать с помощью внутренней нарративной логики текста. Так, в письме штурмана Климова, которое стало для Сани «чем-то вроде молитвы», говорится, что штурман не рискует посылать почтой письмо для Марии Васильевны от капитана Татарина, потому что (как позже выяснится в контексте романа) опасается антагониста Николая Антоновича. Между тем, именно это письмо капитана лежало в сумке утонувшего почтальона вместе с письмом штурмана. Можно списать этот факт на невнимательность Каверина, однако подобным вопросом задается Саня Григорьев и, не найдя ответа, «забывает» об этой неувязке. Логика не стоит искать, потому как перед читателем – «макгаффин» (А. Хичкок), принципиально алогичный нарративный прием, «идеальное означающее за пределами письма» (С. Жижек), открытое для любых интерпретаций, но в курсе метонимического скольжения означающих совпадающее с собственной интерпретацией. Содержание макгаффина жизненно важно для персонажей и, соответственно, для реципиента, погруженного в вымышленный мир, но для автора макгаффина не представляют интереса.

Подобной логикой невозможно объяснить тот факт, что капитан Татарин, чья экспедиция на «Св. Марии» должна пройти вслед за Норденшельдом по Северному Морскому Проходу к Владивостоку, неожиданно собирается между делом попасть на Северный Полюс, который находится отнюдь не по пути. Здесь читателю необходимо знание о прототипах и источниках. Доклад Татарина полностью совпадает с докладом Г. Седова, а биография и портрет Седова приписаны Татарину. Дрейф «Св. Марии» и судьба экспедиции совпадают с реальными фактами экспедиции Г. Брусилова. Выдержки из дневника его штурмана В. Альбанова – прототипа Климова – воспроизводятся почти дословно, а факсимиле его письма матери Брусилова составляет половину упомянутого выше письма Климова. Из этих же источников, а также из предсмертных писем и «Послания к Обществу» Р. Скотта, монтируются письма Татарина. Хотя в романе вне этих документов в других контекстах рассыпаны указания на Седова и Скотта, читатель не должен «взрывать линейность текста» (Л. Женни) и выходить к конкретным источникам, подобная процедура будет избыточной, так как преодолевается «верхняя граница» имплицитного читателя (перспектива прочесть роман как своего рода пост-модернистский, конечно, весьма привлекательна для исследователя, но подобное чтение

оказывается «неуспешным»). Если исключить возможность авторской ошибки, хронологические нарушения в истории капитана Татаринова (летом 1913 года капитан готовится к экспедиции, хотя вышел в плавание на год раньше, а в апреле его уже покинул штурман Климов) как будто сообщают пытливому читателю, что не стоит разбираться в этой путанице. При этом происходит любопытный рецептивный парадокс, связанный с восприятием «чужого слова». «Событие, о котором рассказывается» (в возможном мире документов – злочлнения Татаринова, в действительности Сани Григорьева – чтение этих документов) совпадает с «событием самого рассказывания»: читатель, также, как и Саня, в момент чтения романа еще и читает документы, которые имеют статус истинности и в художественном мире «Двух Капитанов», и в актуальной действительности читателя. Читатель воспринимает информацию в документах как истинную лишь в возможном мире произведения, но неосознанно получает из текста фактуальную информацию о событиях, произошедших в актуальном мире.

Избыточность привнесения в роман информации о конкретных прототипах и документальных текстах-источниках не отменяет возможности интертекстуальной игры, которая, однако, реализуется на уровне, отличном от «исторического фона». Помимо упоминаемых и цитируемых произведений детской литературы (сказки Андерсена, «Тысяча и одна ночь», книги Э. Гранстрема, Ж. Верна, Д. Дефо, повести о Нике Картере), обращает внимание функциональное подобие писем из сумки утонувшего почтальона карте Острова Сокровищ у Р. Стивенсона или письму из бутылки в «Детях Капитана Гранта» Ж. Верна. «Кровавая клятва дружбы» Сани и Петьки имеет явное сходство с клятвой Тома Сойера и Гека Финна. Мотив сиротства и беспризорничества в «Двух капитанах» гипотетически перекликается с целым рядом анонимных претекстов: «Отверженными» В. Гюго, «Историей Тома Джонса, найденыша» Г. Филдинга, а в советской литературе: «Республика ШКИД» и «Ленька Пантелеев» Л. Пантелеева, «Педагогическая поэма» А. Макаренко. Но, прежде всего, «Два капитана» недвусмысленно ориентированы на роман Ч. Диккенса «Жизнь Дэвида Копперфилда, рассказанная им самим». По мнению Ю. Щеглова, ретроспективно-ностальгический метод повествования свидетельствует о том, что роман Диккенса выступает в качестве жанровой модели «Двух капитанов» [14: 448-449, 469-470], и, более того: «Связь между двумя романами, видимо, чем-то особенно знаменательна, раз автор счел нужным подчеркнуть ее акронимами заглавия, прямыми ссылками и рядом почти демонстративных совпадений» [14: 448]. Действительно, Диккенс для Каверина – это «исступленное детское чтение в маленьком провинциальном городке, это первая в моей жизни библиотека» [6: 200], в которую автор «Двух Капитанов» пришел за «Дэвидом Копперфилдом». Таким образом, горизонт ожидания текста апеллирует к авантюрно-приключенческой классике, а также к жанру билдунгсромана (романа воспитания).

О горизонте ожидания читателя «среднего школьного возраста» 1926 г.р. можно сложить представление из отчета одной детской библиотеки за 1939 г.: «Тематика чтения детей 7-8 классов идет в основном по следующим разделам: техника, радио, гражданская война, приключения, исторические повести, реже о животных и еще меньше по ботанике» [12]. Сталинское государство, обеспокоенное тем, что в детской литературе «имеются элементы нездорового приключенчества и неумелость освещения социальных тем»

(как следует из постановления ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по улучшению детской и юношеской печати» от 23.07.1928 г.), пыталось осуществить формовку идеологического читателя. Для этого был создан НИИ детского чтения Наркомпроса РСФСР, однако «несмотря на все усилия, книги о Пинкертоне, например, читались гораздо большим числом детей, нежели книги о Ленине» [2], и в 1933 г. Институт ликвидировали. Вскоре после публикации первой книги «Двух капитанов» некая «классная дама» Н. Лихачева констатирует: «Воспитательное значение этой отменно длинной повести очень сомнительно» [цит. по 1: 104] (видимо, потому, полагает Каверин, что «назвал комсомолку дурой» [8: 60]). И хотя подобная рецепция имела характер скорее политический, чем литературно-критический, роман не вписывался в рамки социального заказа на детскую литературу (как и на советскую эпопею, созданную «красным Львом Толстым») [1]. Тем не менее, согласно М. Литовской, вышедшую в 1944 г. вторую книгу (части 6 – 10) следует считать добротным соцреалистическим – каноническим – произведением, в котором романтико-авантурные мотивировки первого тома разрешаются в государственническом духе: Николай Антонович – не злодей, а вредитель, Саня не просто ищет могилу капитана Тараринова, но решает задачи государственной важности и т.д. [10 :46-48]. В таком случае, читатель 1926 г.р., начавший знакомство с авантурным билдунгсроманом в двенадцатилетнем возрасте, к 1944 г. получает опыт чтения собственно соцреалистических текстов (в том числе детских: «Рассказ о великом плане» М. Ильина, «Днепрострой» Н. Миславского, «Джек Восьмеркин – американец» Н. Смирнова) – и прилагает адекватную «экономную» интерпретацию к новым интенциям автора. В свою очередь, для современного школьника восприятие второй книги осуществляется благодаря инерции, заданной первым томом, которая позволяет ему добраться до конца, невзирая на уменьшающееся «удовольствие от текста» (Р. Барт).

Р. Инграден дифференцирует позиции, с которых может происходить конкретизация произведения: «с наивной позиции простого потребителя литературы, со специфически эстетической позиции, с позиции человека, ...ищущего в художественной литературе пропагандистских средств, наконец, с чисто исследовательской позиции» [5: 85]. Эстетическая позиция в случае романа «Два капитана» смыкается с позицией наивной: роман ориентирован на наивно-иммерсивный режим чтения (П. Рикер), областью референции для заполнения логико-семантических пробелов оказывается персональный читательский, интеллектуальный и эмоциональный опыт «школьника среднего возраста». Критическо-рефлексивный режим блокируется жанровыми предустановками, потому не предполагается приостановка чтения и выход за пределы текста к конкретным претекстам, которые читателю 1926 г.р. кажутся имитацией «шума», актуального северного дискурса, органично включенного в его опыт. Современный читатель воспринимает реальные исторические документы, введенные в роман, как стилизацию «приключенческого» дискурса, включенного в его опыт в ходе предыдущего иммерсивного чтения литературы. Компетенция такого читателя тяготеет к нижней границе, а компетенция читателя 1926 г.р. стремится к верхней границе, формирующая инстанцию «имплицитного читателя», направляющей «успешное» (эстетически завершающее) чтение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агейкина И. Н. Журнальная рецепция романа В. А. Каверина «Два капитана» / И. Н. Агейкина // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Сер. Журналистика. Литературная критика. – 2011. – № 6. – С. 103-112. – ISSN 1998-6769.
2. Безрогов Виталий. Детское чтение : от начала к концу XX века [Электронный ресурс] / Виталий Безрогов, Галина Иванченко // Новое литературное обозрение. – 2010. – № 102. – С. 288-299. – Режим доступа к журн. : <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/102/be25.html>
3. Гиршман Михаил Моисеевич. Литературное произведение : теория художественной целостности / М. М. Гиршман. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 527 с. – ISBN 5-94457-061-X.
4. Изер Вольфганг. Процесс чтения : феноменологический подход / Вольфганг Изер // Современная литературная теория. Антология / Сост. И. В. Кабанова. – М. : Флинта : Наука, 2004. – С. 201-224. – ISBN 5-89349-623-X. – ISBN 5-02-033001-9.
5. Ингарден Роман. Исследования по эстетике / Роман Ингарден ; пер. с пол. А. Ермилова и Б. Федорова ; [Ред. А. Якушев, Предисл. В. Разумного]. – М. : Изд-во иностр. лит., 1962. – 572 с.
6. Каверин Вениамин Александрович. О Диккенсе / В. А. Каверин // Собрание сочинений : в 8-ми т. Т. 8. : Верлиока : Сказоч. повесть. Статьи. Очерки. – М. : Худож. лит., 1983. – С. 200-206.
7. Каверин Вениамин Александрович. Собрание сочинений : в 8-ми т. Т. 3. Два капитана : Роман / В. А. Каверин. – М. : Худож. лит., 1981. – 638 с.
8. Каверин Вениамин Александрович. Эпилог : Мемуары / В. А. Каверин. – М. : Аграф, 1997. – 560 с. – ISBN 5-268-00541-3.
9. Корман Борис Осипович. О целостности художественного произведения / Б. О. Корман // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – 1977. – Т. 36. – № 6. – С. 508-513.
10. Литовская Марина Аркадьевна. Успешная литература для «новых» читателей: «Два капитана» В. Каверина / М. А. Литовская // Конструируя детское. Филология. История. Антропология : Коллект. моногр. / [редкол. : М. В. Тендрякова (пред.) и др.]. – М. : [б. и.] ; СПб. : Азимут, 2011. – С. 37-48. – (Труды Семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики»; вып. 9). - ISBN 978-5-98187-864-0
11. Рымарь Николай Тимофеевич. Теория автора и проблема художественной деятельности / Н. Т. Рымарь, В. П. Скобелев. – Воронеж : ЛОГОС-ТРАСТ, 1994. – 262 с. – ISBN 5-87930-020-X.
12. Центральная детская библиотека им. А.П. Гайдара г. Москвы. История нашей библиотеки [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.gaidarovka.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=43&Itemid=1552
13. Шмид Вольф. Нарратология / Вольф Шмид. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 312 с. – ISBN 5-94457-082-2.
14. Щеглов Юрий Константинович. Структура советского мифа в романах Каверина (О «Двух капитанах» и «Открытой книге») / Ю. К. Щеглов // Проза. Поэзия. Поэтика.

Избранные работы / Сост. Жолковский А. К., Щеглова В. А. ; [Предисл. А.К. Жолковский]. – М. : Новое литературное обозрение, 2012. – С. 438-470. – ISBN 978-5-86793-964-9.

15. Эко Умберто. Откровения молодого романиста / Умберто Эко ; пер. с англ. А. Климина. – М. : АСТ : CORPUS, 2013. – 320 с. – ISBN 978-5-17-077819-5.

16. Эко Умберто. Роль читателя : исследования по семиотике текста / Умберто Эко ; пер. с англ. и итал. С. Серебряного ; [науч. ред. Д. Лахути]. – СПб. : Symposium, 2007. – 501 с. – ISBN 978-5-89091-336-4.

17. Яусс Ганс Роберт. История литературы как вызов теории литературы / Г. Р. Яусс // Современная литературная теория. Антология / Сост. И. В. Кабанова. – М. : Флинта : Наука, 2004. – С. 192-200. – ISBN 5-89349-623-X. – ISBN 5-02-033001-9.

18. Iser Wolfgang. The Act of Reading: A Theory of Aesthetic Response / Wolfgang Iser. – Baltimore : Johns Hopkins University Press, 1978. – xii, 239 p. – ISBN 978-080-182-101-1.

19. Ryan Marie-Laure. Possible Worlds, artificial intelligence, and narrative theory / Marie-Laure Ryan. – Bloomington : Indiana University Press, 1991. – viii, 291 p. – ISBN 0-253-35004-2.

УДК 81'243:371.315 +81'276

*Лисюченко Е.
(Киев, Украина)*

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ

В статті розглядаються мовленнєві вміння, які визначаються лексичною та граматичною компетенціями (як складовими лінгвістичної компетенції) та є специфічними для сфери професійної діяльності.

Ключові слова: *комунікативна компетенція, професійна мова медика, художній текст професійної спрямованості, російські національні концепти.*

В статье речь идет о речевых умениях, которые определяются лексической и грамматической компетенциями (как составными частями лингвистической компетенции) и являются специфическими для сферы профессиональной деятельности.

Ключевые слова: *коммуникативная компетенция, профессиональная речь медика, художественный текст медицинской направленности, русские национальные концепты.*

This article is devoted to the language skills, defined by the lexical and grammatical competencies (as components of the grammatical competency) and which are specific for the professional activity sphere.

Key words: *communicative competency, medical's professional language, literary text of the professional axe, Russian national concepts.*

© Лисюченко Е., 2013